

УДК 359:947.08
ББК 68.53 (2) 5-1

ТУРЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ВОРОНЕЖЕ В 1877 – 1878 гг. И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЕННОЙ ПРОПАГАНДОЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «ВОРОНЕЖСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»)

Ливенцев Дмитрий Вячеславович

Доктор исторических наук, профессор,
Воронежский государственный аграрный
университет имени императора Петра I [г.
Воронеж].

E-mail: liva2006@yandex.ru

Liventsev D.V.

Doctor of historical sciences, professor.
Voronezh state agrarian University
name of Emperor Peter I [Voronezh]

Аннотация: *Статья рассматривает пребывание турецких военнопленных в городе Воронеже во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг.*

Отдельно уделяется внимание истории российской военной пропаганды.

Ключевые слова: *Османская Империя, Российская Империя, Воронеж, русско-турецкая война 1877 – 1878 гг., турки, военнопленные.*

TURKISH PRISONERS OF WAR IN VORONEZH IN 1877 – 1878 AND THEIR USE BY MILITARY PROPAGANDA (ON THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER «THE VORONEZH TELEGRAPH»)

Abstract: *The article considers the stay of Turkish prisoners of war in the city of Voronezh during the Russian-Turkish war of 1877 – 1878.*

Special attention is paid to the history of Russian military propaganda.

Key words: *Ottoman Empire, Russian Empire, Voronezh, Russian-Turkish war of 1877-1878, Turks, prisoners of war.*

Во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. в городе Воронеже находились турецкие военнопленные. Военная пропаганда Российской Империи решила использовать их в своих целях.

Первое упоминание в местной прессе о пленных турках относится к 10 декабря 1877 г.: «Сначала войны предполагали многие, что турецким пленным плохо придется зимовать в нашей матушке России, так что смертность между ними будет большая; на деле оказывается, как передают, всех умерших в Воронеже пленных за несколько месяцев 7 человек. Цифра небольшая, если взять во внимание, что между пленными были раненые и старые.

Зато имеются сведения, что между пленными в Острогожске весьма много больных.

Три санитары и врач Михельсон, сопровождавшие наш санитарный поезд № 11, в котором были провозимы турки, сильно заболели брюшным тифом.

Ввиду подобных примеров управление нашей железной дороги пришло к мысли изолировать даже от других вагонов те из них, в которых провозятся турки» [1, с.2]. Перед нами свидетельства гуманного содержания военнопленных вместе с благородным примером самопожертвования русского медицинского персонала.

Причем тема самопожертвования воронежских врачей и младшего медперсонала ради военнопленных вскоре получила свое продолжение: «Нам передают, что смертность между пленными турками, развивается в Воронеже, вследствие распространившейся между ними болезни – пятнистого тифа, которым заразились и некоторые сопровождавшие больных турок на поезде, лица санитарного персонала – сестра милосердия и санитары (доктор Михельсон, как мы сообщали, уже умер). Для предупреждения перехода болезни на здоровых и развития ее в городе комитет о здравии принял надлежащие меры» [2, с.3].

В том же номере газеты «Воронежский телеграф» создается образ коварного врага, пусть и находящегося в плену: «2 декабря, биржевой извозчик, бывший дворовый человек С.И. Михайлов заявил, что 1 сентября, в 9 часов вечера, он посадил около театра 3-х военнопленных турок и повез их в баню Сидельникова. Пробыв там до часу ночи, он одного из них повез с мешанкой Е. И-вою на квартиру к Шурке, находящейся в доме Иванова, ниже Вознесенской церкви. По приезде, турок стал отдавать ему за время езды 30 коп., а когда извозчик потребовал с него 1 руб., турок обнажил саблю и хотел его ударить, но извозчик упал под ноги лошади и поэтому избежал от удара. Приведенный турок не говорит по-русски, а потому и фамилия его еще неизвестна.

Дело извозчика с турецким офицером – Эфенди, как нам передают, кончилось миром» [1, с.3].

Позже в «Воронежском телеграфе» о турецком офицере, участвовавшем в столкновении с извозчиком, в доказательство лояльности российских властей писали следующее: «Другому пленному офицеру, который хотел изрубить извозчика, и о котором было сообщено, что он покончил свое дело с извозчиком миром, возвращена снова сабля, но уже с притупленным лезвием» [4, с.2].

Однако ужасные поступки турецких военнопленных периодически нагнетались редакцией газеты «Воронежский телеграф». Так, 24 января 1878 г. издание сообщало: «В свое время мы передавали, что в Чижевских казармах один из пленных турок укусил палец конвойному артельщику. В настоящее время по этому делу (вместе с другими в том же роде) производится следствие военным следователем. Следствие встречает на своем пути непреодолимые затруднения, так – артельщик, вскорости после укушения его турком, заболел тифом и скончался» [4, с.2].

Наконец, «Воронежский телеграф» поведал о том, что турецкие военнопленные стали объектом жестокого преступления: «В ночь, под 24 января, в доме Гришиной совершено персиянами (по-современному иранцами – Авт.) убийство пленных турок, – одного полковника и офицера. Последний к утру очнулся, и с чрезвычайным усилием сделал указание на убийц. Персияне были хорошо знакомы с турками, часто бывали у них, для препровождения времени за чашкой кофе, или – картами. Несколько раз турок – полковник давал одному из персиян золото

для обмена на наши деньги.

Вероятно, это-то золото полковника, слывшего за богача, и послужило поводом к убийству. – В несчастную ночь турки, напоивши персиян чаем, пригласили их играть в карты, севши, по турецкому обычаю, на пол. Несколько времени прошло, вдруг тушится свеча и наносятся туркам удары тупым орудием, за тем оба они удушены. Полковник убит окончательно, а офицер, как мы сказали уже, к утру очнулся. Разбросанные предметы в комнате свидетельствуют, что борьба была ужасная. Офицер отправлен для излечения в больницу. Убийцы, несмотря на явные улики, не сознаются в своем проступке.

Убийцы эти жили на Садовой улице, в д. Фламан, и торговали в фруктовом погребе. – Следствие по настоящему делу производится весьма деятельно» [5, с.4].

Внесла в военную пропаганду, связанную с пленными турками, свой вклад и русская православная церковь: «10 декабря, в субботу, как нам передавали, человек шесть пленных турок явилось в Митрофановский монастырь, чтобы полюбопытствовать – каковы в России православные храмы. Должно быть, эти экстренные посетители были предупреждены, что в русских храмах стоят с открытою головой, потому что вошли они, сняв свои фески. Со вниманием они обозрели украшения храма, переходя с одного места на другое; и нужно думать, судя по физиономиям, русский храм произвел на них приятное впечатление, так как с физиономий их не сходили признаки удивления; вели себя они в храме прилично» [1, с.4].

Помимо этого, газета «Воронежский телеграф» регулярно критиковала поведение турецких военнопленных: «Насколько турки способны высказывать свои турецкие нравы и в плену даже могут служить следующие факты: Для того, чтобы придать погребению умерших турок, насколько возможно, приличную и соответствующую их религии обстановку, начальство распорядилось, чтобы вырывались могилы турками же для своих покойных, – но те отказываются, не смотря на увещевания и объяснения побуждений, руководящих в этом случае начальством. Больные из них, которые в состоянии еще ходить, отказываются встать с кровати для своих надобностей; – понятно, что помещение, где они находятся, принимает до безобразия турецкий вид. Внушения на них не действуют по привычке их к своим национальным внушениям, к которым мы, русские, гнушаемся прибегать» [2, с.4]. Получается, что ненавязчиво дается информация о гуманном отношении охраны к военнопленным туркам.

В военной пропаганде использовалось и сравнительное отношение поведения россиян по отношению к собственным раненым и турецким военнопленным: «В субботу, 7 января, мы имели возможность посетить Чижевский госпиталь для больных и раненных воинов, когда была устроена для них елка, заключающаяся в выдаче больным подарков. – Госпиталь этот содержится безукоризненно, – комнаты чисты, светлые и теплые; постельное белье новое и все чистое, стол для больных обильный и готовится поваром; уход за больными вообще заботливый. Больные, и их родные, бывшие здесь, с сердечной благодарностью свидетельствовали, что таким присмотром они пользуются всегда.

В день елки, Н.И. Русановым, попечителем госпиталя, и другими участниками, были розданы больным подарки, состоявшие из предметов первой необходимости. Заметим, что многие подарки, как, например, нагрудники и прочие, были сшиты собственноручно лицами, принявшими участие в приобретении подарков. Таких лиц нельзя обойти добрым словом; но что сказать о тех, которые проводят праздное время в кампании с турками. «Начинается у них игра в веревочку. Османа бьют больше всех по руке; Османа целуют больше всех; Осман в восторге...» сказано в 1-м № «Воронежского телеграфа». Вот было бы всех таких лиц привести в Чижевский госпиталь; пусть они посмотрели бы на жену, пришедшую к больному мужу из далекого Новохоперского уезда; пусть они увидели бы старуху-мать, пришедшую из Нижнедевицкого уезда пешком – в сильный холод. Вот, глядя на этих женщин, они, может быть, поняли бы, что должно все лучшее делать для своих больных воинов, а не проводить праздное время с турецкими офицерами» [3, с.2 – 3].

В тоже время «Воронежский телеграф» публиковал материалы о благожелательном отношении воронежских обывателей к турецким военнопленным: «В Нижнедевицк, 9-го февраля, прибыло из Воронежа, назначенных на жительство 150, только 87 пленных турок, в том числе 1ё полковник и 8 офицеров, которые помещены в городской казарме, еще за несколько дней до прихода их очищенной местной воинской командой. Приход турок был встречен за городом многочисленной толпой жителей, сопутствовавшей им до казарм; офицеры 12-го числа перешли на частную квартиру» [6, с.2].

Еще более полную картину гуманизма воронежских обывателей к пленным туркам напечатал в «воронежском телеграфе» корреспондент, находившийся в селе Сергеевка Острогожского уезда: «Вчерашний день в нашу слободу прибыла партия пленных турок. Их было 150 человек, а препровождались они в г. Павловск.

Еще дней за 5 до их прибытия сергеевцы стали толковать об этих невиданных гостях.

8 февраля сделалось верное известие о приходе турок, так как в этот день были назначены для них квартиры в Сергеевке. Навстречу туркам вышло мало любопытных. Впрочем, некоторые из крестьян, особенно молодых, подходили к туркам, снимали шапки, протягивали им руки и говорили: «покоритесь нашему царю».

Когда турок развели по квартирам, на них пошли смотреть, стар и млад. В квартирах турки вели себя в отношении к крестьянам ласково, купленными кренделями оделяя крестьянских детей.

Крестьяне и крестьянки относились к своим гостям снисходительно; многие приносили гостям свои незатейливые угощения: хлеб, лук, огурцы, картофель и при этом высказывали свое сострадание: «ведь эти турки ничем не виноваты, – царь их затеял войну». Некоторые женщины ласкали турок и заставляли их креститься, на что защитники ислама сначала плевали, а когда заметили, что женщинам это нравится, сами крестились и, перекрестившись, спрашивали «добрэ?».

Посредством мимики, женщины спрашивали турок, для чего они убивали наших солдат; при таком вопросе, турки корчили гримасу и махали руками, в знак отрицания.

В нашей слободе турки покупали более вещи необходимые для своего продовольствия, черный хлеб, картофель, лук, табак-жилку (смесь, состоящая из центральной части табачного листа – Авт.) и турецкий 2-й сорт. Последний им что-то не очень понравился. Всем вещам, какие им довелось покупать, они знают цену и когда кто запрашивает вдвое, говорят: «много».

Изнуренный вид турок и оборванная одежда ободрили нашего крестьянина, только и слышна была похвала своему родному солдату: «наш солдат молодец; лицом белый, против 10 турок стоит; а турка плохой вояка!» [7, с.3 – 4]. В данном случае присутствует помимо жалости к турецким военнопленным и выгодное сравнение с русским солдатом, обладающим бодрым видом по отношению к поверженному противнику.

Если говорить о военной пропаганде в российской провинции на примере газетных статей «Воронежского телеграфа» в период русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг., то надо признать ее несомненную эффективность. «Воронежский телеграф» публиковал заметки о нецивилизованном поведении турецких военнопленных, сострадании к ним воронежских обывателей и заинтересованности со стороны турок христианской религией. Подобный подход обеспечивал населению Воронежской губернии патриотические настроения и уверенность в скорой победе российских вооруженных сил в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг.

Государь Император под Плевною 30 августа 1877 года.

Пленный Осман-Паша

ЛИТЕРАТУРА

1. Местные известия // Воронежский телеграф. – 10 декабря 1877 (96). – С. 2 – 4.
2. Местные известия // Воронежский телеграф. – 23 декабря 1877 (98). – С. 3 – 4.
3. Местные известия // Воронежский телеграф. – 10 января 1878 (3). – С. 2 – 3.
4. Местные известия // Воронежский телеграф. – 24 января 1878 (7). – С. 2.
5. Местные известия // Воронежский телеграф. – 27 января 1878 (8). – С. 4.
6. Местные известия // Воронежский телеграф. – 21 февраля 1878 (15). – С. 2.
7. Обидов Я. Село Сергеевка (Острогожского уезда) / Я. Обидов // Воронежский телеграф. – 21 февраля 1878 (15). – С. 3 – 4.

REFERENCES

1. Local news // Voronezh Telegraph. – December 10, 1877 (96). – P. 2 – 4.
2. Local news // Voronezh Telegraph. – December 23, 1877 (98). – P. 3 – 4.
3. Local news // Voronezh Telegraph. – January 10, 1878 (3). – P. 2 – 3.
4. Local news // Voronezh Telegraph. – January 24, 1878 (7). – C. 2.
5. Local news // Voronezh Telegraph. – January 27, 1878 (8). – P. 4.
6. Local news // Voronezh Telegraph. – February 21, 1878 (15). – P. 2.
7. Obidov Ya. Selo Sergeevka (ostrogozhsky uyezd) / Ya. Obidov / / Voronezh Telegraph. – February 21, 1878 (15). – P. 3 – 4.